

Роль военно-морского флота в обороне Южного Сахалина в 1904–1905 г.

Боевые действия русской армии и флота в период русско-японской войны 1904–1905 гг. уже достаточно полно и всесторонне изучены отечественными историками. Наиболее подробно описана боевая деятельность полевой армии в Манчжурии в 1904–1905 гг. Что же касается роли русского ВМФ в этой войне, то она нашла свое объективное отражение во многих капитальных трудах по истории отечественного флота как дореволюционного, так и советского периода. Однако, почти все военные историки сосредотачивали свое внимание исключительно на действиях 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр, а также Владивостокского отряда крейсеров в Желтом и Южно-Китайском морях, оставляя почти без внимания периферийные театры военных действий, где не было серьезных морских сражений. В частности, остались малоизученными целый ряд приморских районов, где также шла русско-японская война. В данной связи стоит указать на остров Сахалин и полуостров Камчатка. Лишь в отдельных работах можно найти описание боев в этих районах¹. А между тем, характер действий японских ВМС и армии на Сахалине многое объясняют в понимании событий той далекой войны.

Весьма любопытными представляются боевые действия частей русской армии и флота на о-ве Сахалин, особенно в южной его части. Надо сказать, что здесь имело место некоторое взаимодействие армии и ВМФ (пусть и в очень незначительных размерах)². Надо сразу сказать, что на Южном Сахалине в 1904–1905 гг. не базировалось русских боевых кораблей, но там действовала морская часть – команда с потопленного крейсера «Новик» в количестве 60 человек, под командованием мичмана А.П.Максимова, обслуживавшая артиллерийскую батарею из двух 120 мм и двух 47 мм орудий, которые были сняты с указанного крейсера. Последующие действия этой береговой батареи и морской команды оказали хоть и не решающее, но все же заметное влияние на ход боев за Южный Сахалин. Для полноценного освещения данных событий автором были использованы документы Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), в частности из фондов № 417 (Главный морской штаб) и 763 (Дневники, заметки, записки, вырезки из газет о русско-японской войне). Здесь хранятся такие интересные и важные для понимания этих событий источники, как рапорт и воспоминания командира морской команды мичмана А.П.Максимова о боевых действиях на острове Южный Сахалин, а также телеграммы командира Владивостокского порта контр-адмирала Н.Р.Греве, помощника начальника Главного морского штаба контр-адмирала А.А.Вирениуса и рапорт начальника Крильонского отряда поручика Мордвинова.

Прежде, чем начать разговор о появлении моряков на Сахалине, следует сказать хотя бы пару слов о самой организации обороны острова. Здесь надо сразу же заметить, что определенного плана его защиты вплоть до 1903 г. просто не существовало. Правда, по поручению военного министра А.Н.Куропаткина в 1903 г. были разработаны несколько различных проектов, предусматривавших меры по усилению гарнизона острова, строительству на нем береговых батарей и различных оборонительных сооружений. Но все эти предложения, ввиду больших предполагаемых затрат, к моменту начала войны с Японией так и не были осуществлены: дело ограничилось лишь строительством полевых укреплений³. 28 января 1904 г., т.е. на второй день войны, на острове была объявлена мобилизация войск. После проведения мобилизации, на Южном Сахалине был сформирован Корсаковский отряд под командованием полковника И.А.Арцишевского, задачей которого была определена оборона укрепленной позиции в р-оне Соловьевки. В дальнейшем, в январе 1905 г., было решено руководствоваться другим планом обороны, согласно которому войска Южного Сахалина были разделены на 5 партизанских отрядов, каждый из которых получил свой район действий и собственные склады с припасами⁴.

Как это ни странно, но морская часть на Южном Сахалине появилась довольно случайно. Утром 7 августа 1904 г. крейсер II-го ранга «Новик» из состава 1-й Тихоокеанской эскадры, сумевший прорваться из Порт-Артура после сражения в Желтом море, подошел к посту Корсаковский. Днем он был внезапно атакован японским крейсером «Tsusima» и в результате интенсивного обстрела получил значительные повреждения. После боя

командир крейсера капитан 2-го ранга М.Ф. фон Шульц принял решение затопить корабль, который получил несколько подводных пробоин. На следующий день, 8 августа, японский крейсер «Titose» подверг полузатопленный «Новик» новому обстрелу. После самозатопления, большая часть команды с крейсера «Новик», во главе с командиром, отправилась пешим порядком в пост Александровский, а затем переправилась на материк, и была отправлена во Владивосток. На острове осталась команда из 53 человек во главе с мичманом А.П.Максимовым, которая должна была разоружить крейсер и охранять снятое имущество. 17 августа морская команда разместилась в помещениях Корсаковского отряда⁵. Для этого, с 12 августа, по приказу командира крейсера, Максимов начал работы по сооружению плавучего крана, используя для этой цели две баржи тюремного ведомства.

В процессе работ по разоружению крейсера, противник предпринял попытку помешать русским морякам и подорвать корабль. 24 августа, в 6 ч. утра к Корсаковскому подошли 2 японских минных транспорта, стали на якорь и спустили 2 паровых катера с командами, которые направились к крейсеру «Новик». Тем временем, мичман А.П.Максимов со своей командой заняли удобную позицию для обстрела японцев на берегу. Подождав, когда японцы высадились на крейсер и начали закладывать мины, Максимов отдал приказ открыть ружейный огонь по противнику. Японцы, не выдержав меткого обстрела с берега, быстро погрузились на катера и ушли обратно на транспорты. Как позже выяснилось, на катерах было убито 3 и ранено 6 японцев. Сразу же после данного инцидента, Максимов со своими людьми прибыл на крейсер и занялся осмотром помещений. В ходе осмотра на «Новике» были обнаружены 5 трехпудовых мин, которые были извлечены русскими моряками⁶. Таким образом, уничтожение корабля противником было сорвано.

После того, как был изготовлен плавучий кран, морская команда мичмана Максимова занялась снятием с крейсера артиллерии, торпед, снарядов, орудийных щитов и станков, красной меди, стали, тросов, лебедок, шпилей, якорей, прожекторов, канатов, различных инструментов и прочего имущества. Успеху проведения данных работ способствовала штилевая погода. Все вооружение и оборудование было вытаснено на берег, окрашено и упаковано в ящики. Материальная часть артиллерии с «Новика» была использована для создания на берегу береговой батареи в составе двух 120 мм и двух 47 мм орудий. (Четыре оставшихся 120 мм орудия были закопаны в землю.) Прислуга данной батареи была укомплектована матросами команды крейсера. Что касается снарядов, снятых с крейсера (около 100 штук), то они были осмотрены, промыты и переснаряжены. Уже в конце сентября 1904 г. Максимов произвел испытания установленным орудиям⁷.

Поскольку какими-либо инструкциями по поводу дальнейших своих действий А.П.Максимов не располагал, а главнокомандующий войсками А.Н.Куропаткин известил руководство обороной о-ва Сахалин о предполагаемой высадке японцев на остров, мичман обратился в Главный морской штаб за разъяснениями. ГМШ приказал Максиму подготовить крейсер «Новик» к уничтожению, а в случае необходимости – взорвать его. По получении данного приказания, Максимов попросил командира Владивостокского порта контр-адмирала Н.Р.Греве выслать ему 4 мины для подрыва крейсера, 50 мин для заминирования залива, а также 100 120-мм и 200 47-мм снарядов. Правда, несмотря на дублирование данной просьбы, Максимов так и не получил ответа. Тем временем, мичман развил активную деятельность по усилению обороны в р-не Корсаковского. Понимая, что в дальнейшем не исключена возможность ведения боев в глубине острова, Максимов организовал установку двух 47 мм орудий на сани, запряженные в упряжку из 2-х лошадей каждая. Результаты стрельб из данных импровизированных артустановок оказались более-менее приемлемыми. С транспорта «Уссури» командой было получено 4 пулемета, но они оказались без лент. Тогда силами команды был налажен выпуск самодельных пулеметных лент, которых было изготовлено 50 штук. Был также проведен поиск водолазного снаряжения, необходимого для минных работ на крейсере. Острая нехватка вооружения вынудила Максимова вторично обратиться к контр-адмиралу Н.Р.Греве и попросить о присылке ему пулеметных лент, винтовочных патронов, 4 мин для уничтожения крейсера и 50 мин для минирования залива, а также одежды для команды. В итоге, его просьба была частично удовлетворена: на транспорте «Эмма» было доставлено 200 47-мм снарядов с дымным порохом, 90 пулеметных лент, одежда и провизия для команды⁸.

Тем временем, была закончена установка орудий на берегу и проведено их испытание путем стрельбы по буйкам. Створные знаки на берегу были сняты, вместо них были

поставлены ложные. В самой бухте, в 5 милях от берега, было поставлено фиктивное минное заграждение. В течение зимы Максимов приступил к установке двух 47 мм орудий на колеса, для предполагаемых действий в глубине острова, и к изготовлению передков для пулеметов. На проведение этих работ ушло 2 месяца. Кроме того, для 47 мм орудий, установленных на колеса, была сделана картечь в количестве 100 зарядов. Из состава команды, 40 человек были обучены обращению с пулеметами. Были проведены совместные стрельбы из 47 мм орудий и пулеметов. Расчеты береговых орудий тренировались в стрельбе по морским целям, а именно, по буксируемому щиту. Результаты стрельб были сочтены вполне удовлетворительными. На побережье, на протяжении 36 верст, было устроено 7 сигнальных станций для оповещения о приближении неприятельских кораблей⁹. Отчет о проведенных работах с фотокарточками, с приложением вахтенного журнала крейсера «Новик», Максимов переслал в Главный морской штаб¹⁰.

В течение зимы 1904–1905 гг. полузатопленный крейсер «Новик» опустился в грунт на 7 футов. Никаких работ по его уничтожению, без получения соответствующего приказа командования, Максимов пока не предпринимал. Но сразу же после Цусимского сражения контр-адмирал Грехе отдал приказание «*взорвать крейсер, имущество раздать бедным, взять расписки*». Однако, из-за шторма Максимов организовать подрыв сразу не смог, а взорвал четыре 120 мм орудия, которые были ранее закопаны в земле. Что касается имущества, то оно было роздано населению, согласно приказанию. Но спустя 3 дня, воспользовавшись штилем, А.П.Максимов заложил трофейную трехпудовую японскую мину в р-не средних машин с левого борта и произвел взрыв. Затем по этому же борту, ближе к корме, был произведен взрыв второй мины. В результате подрывов, крейсер получил две значительные пробоины: размерами 16½×7 футов и 1 сажень×6 футов. Не имея больше никаких подрывных средств под рукой (они так и не были ему присланы из Владивостока), Максимов доложил об осуществленных мерах контр-адмиралу Н.Р.Грехе. Тогда Грехе распорядился уничтожить крейсер путем подрыва заряда пороха. Получив от полковника И.А.Арцишевского для этой цели 18 пудов черного пороха, Максимов приступил к изготовлению мин, с использованием корпусов от торпед. Спустя 4 дня первая мина, на которую ушло 12 пудов дымного и 4 пуда бездымного пороха, была уже изготовлена. Используя отлив, мичман заложил мину в р-не 1-й и 2-й кочегарок и произвел подрыв. Результаты оказались впечатляющими: образовалась огромная пробоина размером 27×15 футов, верхняя палуба и фальшборт были сорваны и выброшены на протяжении 30 футов, котлы были смяты, шпангоуты и бимсы на протяжении 15 футов были тоже сорваны и выброшены. Затем была подготовлена вторая мина, на которую потребовалось 5 пудов дымного и 4 бездымного пороха. Она была заложена между средними машинами. Взрыв второй мины также произвел большие разрушения: обе машины, броневая и верхняя палубы, бимсы и переборки превратились в бесформенную массу. Результаты подрывов были доложены Максимовым контр-адмиралу Н.Р.Грехе и командиру крейсера капитану 2-го ранга фон М.Ф.Шульцу¹¹.

14 июня Максимов получил неожиданное пополнение: в 3 часа ночи на вельботе прибыл с о-ва Уруп прапорщик по морской части В.Р.Лейман с 10 матросами. Как потом выяснилось, это была часть команды с призового парохода «Oldhamia»¹² из состава 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала З.П.Рожественского. Пароход, в трюмах которого находились снаряды и керосин, 20 мая потерпел крушение у о-ва Уруп. Часть команды на шлюпке после 9-дневного плавания прибыла на Сахалин. Оставшиеся 3 офицера и 27 матросов остались на Уруп. В связи с этим, контр-адмирал Н.Р.Грехе поставил вопрос об эвакуации оставшихся на Уруп людей. По этому поводу состоялся интенсивный обмен телеграммами между А.А.Вирениусом и Н.Р.Грехе. Тем временем, мичман А.П.Максимов, действуя по собственной инициативе, снарядил 100-тонную деревянную шхуну, принадлежащую Морскому ведомству, чтобы самому отправиться на Уруп за оставшимися членами команды «Oldhamia». За 4 дня шхуна была полностью подготовлена к плаванию. Максимов послал телеграмму Грехе, где попросил разрешения на выход в море. Однако, дальнейшие события резко изменили его планы. Командир Владивостокского порта в своей телеграмме от 22 июня не разрешил похода к Урупу, и приказал Максиму быть готовым к высадке японцев на Сахалин¹³. Предостережение оказалось весьма своевременным.

23 июня, в 17 часов, с Крильонского маяка сигнальщик доложил по телефону Максиму о том, что наблюдает неприятельскую эскадру, следующую курсом на мыс

Анива. Выслушав донесение сигнальщика, Максимов понял, что неприятель готовит высадку десанта на Сахалин, и доложил командиру 1-го партизанского отряда (до этого исполнявшему обязанности начальника Корсаковской местной команды) полковнику И.А.Арцишевскому о происшедших событиях. В 21 час Максимов расставил оружейную прислугу по местам, отрядил часть нижних чинов команды, снабженных керосином, для уничтожения Корсаковского поста и приказал обозу собираться. Личному составу были выданы сухари и консервы из расчета на 3 дня. Все ценное корабельное имущество – кормовые флаги, вымпелы, сигнальные флаги, сигнальные книги, секретные документы – были сложены Максимовым у себя в кабинете и приготовлены к уничтожению. Также он отдал приказ о поджоге Корсаковска по первому же выстрелу орудий своей батареи. Всю ночь сигнальщики не переставали сообщать о передвижениях неприятельского флота¹⁴.

В 6 часов утра 24 июня с Корсаковского поста была замечена японская эскадра, в состав которой входили транспорта с частями 13-й пехотной дивизии. В 9 часов утра японские корабли из 5-го, 6-го, 7-го, 8-го и 9-го боевых отрядов провели траление прибрежных вод и стали проводить высадку своего десанта между селами Мерея и Савина Падь¹⁵. Постепенно японские тралящие силы стали продвигаться вдоль берега к мысу Эндума. В 14 ч. 30 мин. русские сигнальные станции в р-не Корсаковского поста подняли сигнал – *«много миноносцев идет в Корсаковск»*. В 14 ч. 50 мин. из-за мыса Эндума показался японский минный отряд, состоящий из 4-х трехтрубных миноносцев. Подпустив неприятельские корабли на 25 кабельтовых, мичман Максимов лично произвел пристрелку и, определив дальность ведения стрельбы в 22 каб., приказал открыть беглый огонь. Японские миноносцы начали ответную стрельбу, дали полный ход и отошли мористее. Спустя 5–7 минут после начала боя, по наблюдениям Максимова, на втором миноносце противника возник пожар в р-не кают-компания, а на третьем был замечен взрыв 120-мм снаряда в кормовой части. После этого, миноносцы противника стали подавать короткие свистки и разошлись в разные стороны. Через 10 минут японские корабли, не прекращая огня, скрылись за мысом Эндума. По мнению Максимова, результаты обстрела японцев могли оказаться значительно лучше, если бы снаряды не давали большого рассеивания, ввиду плохой промывки и просушки. Поэтому в дальнейшем он решил вести огонь с более короткой дистанции¹⁶.

Уже через 10–15 минут появился второй японский отряд, состоявший из 5 трехтрубных и 2 четырехтрубных миноносцев, которые открыли беглый огонь по предполагаемому месту батареи. Подпустив японские корабли всего на 18 каб., батарея Максимова открыла беглый огонь из обоих 120 мм орудий. Огонь батареи сосредоточился преимущественно на четвертом миноносце, который шел вне общего строя, придерживаясь берега. Через 20 минут было зафиксировано одновременное попадание сразу двух 120-мм снарядов в правый борт этого миноносца, между труб. Один снаряд разорвался в р-не мостика. После этого японский миноносец прекратил огонь, стал давать короткие свистки, поднял пятифлажный сигнал и стал удаляться в море. Два других миноносца подошли к нему с обеих сторон и, сделав поворот на юг, направились к селению Пароантомари вдоль берега и вскоре скрылись из виду. Остальные миноносцы повернули на юго-запад и стали фронтом отступать, ведя огонь с кормы. Выйдя из зоны поражения батареи, отряд повернул на юго-восток и скрылся за мысом Эндума. Батарея Максимова продолжала вести огонь вплоть до дальности в 45 каб., после чего он был прекращен ввиду неэффективности. В ходе боя со вторым японским отрядом стреляли не только 120 мм, но также и 47 мм орудия. Правда, дымный порох, примененный в снарядах этих орудий, выдавал их месторасположение противнику. Затем, Максимов открыл перекидной огонь по японской эскадре, высаживавшей десант, которая находилась за мысом. В ответ противник ответил интенсивным артиллерийским огнем. В ходе стрельбы одно из 120 мм орудий вышло из строя по техническим причинам, ввиду чего его пришлось подорвать. Затем огонь велся из оставшегося 120 мм орудия, вплоть до полного израсходования боезапаса. После этого, было взорвано и второе орудие. Перейдя к 47 мм береговым орудиям, Максимов приказал открыть огонь по дому на пристани и катеру, которые были зажжены. Последние снаряды были расстреляны по лесу, за которым уже показались японцы. Истратив последние 47-мм снаряды, Максимов взорвал оба орудия и вместе со своими людьми перебежками отошли к маячной горе, где был намечен сбор для всех членов команды. Всего, батареей мичмана А.П.Максимова в течение боя было израсходовано 73 120-мм и 110 47-мм снарядов¹⁷.

Результаты стрельбы береговой батареи можно оценивать по-разному. Исходя из донесений Максимова, огнем его батарей были повреждены 2 или 3 японских миноносца. В то же время, официальная японская история войны на море не подтверждает фактов попаданий в их корабли¹⁸. Что касается потерь японцев в личном составе, то по сведениям Максимова, полученным уже во время его пребывания в плену, на миноносцах противника было ранено 17 человек¹⁹.

К 17 часам все жилые здания, склады и пристань в Корсаковском посту были подожжены моряками из команды Максимова. Собрав всех чинов своей команды на маяке, мичман А.П.Максимов направился к Соловьевской позиции. Попутно его команда сжигала все плавучие средства и строения рыбаков, которые могли пригодиться японцам. Всего, в трех падах моряками было сожжено 32 сарая, 47 домов, 92 больших и 19 малых кунгасов. После того, как моряки достигли позиции, туда же через 30 минут пришел 1-й партизанский отряд полковника И.А.Арцишевского²⁰. Дальнейшие действия команды Максимова протекали уже в качестве морской пехоты, в составе партизанского отряда Арцишевского.

С раннего утра 25 июня Максимов развернул на Соловьевской позиции 47 мм орудия и пулеметы, выслал в засаду, дозор и охранение людей. Это оказалось весьма нелишним, так как уже в 7 ч. 30 мин. показались японцы, которые начали обстрел укреплений. Однако русские стрелки и моряки оказали должный отпор противнику. После этого, стрелки отошли дальше на Хомутовку. Убедившись в невозможности дальше занимать оборону на данной позиции, полковник Арцишевский отдал приказ об отходе на Хомутовку. В 9 ч. 30 мин. весь отряд снялся с позиции, а Максимов с командой, оставшийся в арьергарде, начал сжигать все наземные строения. В 10 ч. дня он выступил на Хомутовку, куда и прибыл к 18 часам. На военном совете мичман Максимов высказал мысль об устройстве засады, что было принято всеми. В засаду было направлено 2 орудия, один пулемет и полроты стрелков. Ночью 26 июня в засаде имела место ложная тревога, но вскоре был объявлен отбой. Утром отряд отступил к селению Дальнее, поскольку позиция у Хомутовки была непригодна для артиллерии и отрезана от складов. В этот день от командующего японскими войсками генерал-майора Такеучи было передано письмо с предложением сдачи в плен²¹.

27 июня отряд занял позицию у села Дальнее. В 11 ч. Максимов вместе со штабс-капитаном Карепиным отправились отыскивать позицию, наиболее подходящую для обороны. Позиция, седлающая дорогу, которую выбрал Максимовым, была сочтена самой удобной для сдерживания неприятеля. На флангах позиции были установлены по 2 полевых орудия, в центре, у дороги, был установлен пулемет, были вырыты окопы для стрелков. В целом, позиция была вполне пригодна для обороны. 28 июня, ночью, на позицию прибыл полковник Арцишевский, которого Максимов попросил усилить его отряд, но ему было отказано. С 10 часов утра и вплоть до захода солнца японцы обстреливали артиллерией местность рядом с позицией, не причинив отряду Максимова никакого вреда. Как только неприятельский обстрел прекратился, мичман Максимов отправился к своей команде, залегшей в цепь. В 19 ч. он услышал шум приближающегося неприятеля. Отдав приказ атаковать неприятеля, Максимов пошел докладывать полковнику Арцишевскому о действиях противника, и вновь попросил дать ему пополнение. Но полковник вновь отказал Максиму в просьбе. В 9 часов утра 29 июня дозорные доложили мичману, что японская пехота двигается на позицию. Спустя 20 минут по сигналу Максимова моряки открыли огонь по японцам. После получасового интенсивного боя, противник был отбит. (По данным Максимова, в этом бою японцы потеряли 82 человека ранеными.) Однако, около 14 ч. отряды штабс-капитана Карепина и мичмана Максимова, державшие оборону в центре позиции, были вновь атакованы японскими войсками. В ходе ожесточенного боя, штабс-капитан Карепин был убит, а мичман Максимов и прапорщик Лейман были захвачены в плен. Часть личного состава их отрядов была пленена противником, а часть рассеялась. 3 июля в японском плену были собраны практически все члены команды Максимова, 8 июля она была посажена на транспорт и 11 июля – прибыли в японский порт Аумори²².

Так завершилась короткая, но достаточно яркая история боевой деятельности морской команды мичмана Максимова в ходе боев за Южный Сахалин. В дальнейшем, сам мичман и члены его команды были перевезены японцами в г.Хирасаки, где разместились по квартирам. После того, как начался процесс выдачи пленных, в начале декабря мичмана А.П.Максимова перевезли в г.Нагасаки, откуда он отбыл во Владивосток.

Говоря о действиях морской команды Максимова в ходе обороны Южного Сахалина, стоит обратиться к оценке противника. Как следует из рапорта самого мичмана А.П.Максимова, после того, как он попал в плен, сам командующий японскими оккупационными войсками на Южном Сахалине генерал-майор Такеучи удостоил его 1,5-часовой (!) аудиенции, причем *«принял очень любезно, накормил ужином»*²³. А начальник штаба японских войск Южного Сахалина Фукабори в беседе с плененным начальником Крильонского отряда поручиком Мордвиновым высказал похвалу действиям последнего, поставив его *«наряду с морским офицером, который, по его словам, был героем Сахалина»*²⁴. Нетрудно догадаться, что японский военачальник имел в виду мичмана Максимова. Это очень высокая похвала из уст противника, которую нельзя не учитывать. Как мы видим, действия морской батареи и команды мичмана Максимова все-таки запомнились японцам.

Говоря о месте и роли боев за о-в Сахалин в ходе всей войны, следует признать, что они развернулись очень поздно, уже на заключительном этапе войны, и оказались фактически последними боевыми действиями между русскими и японскими войсками (в Манчжурии после Мукденского сражения уже не происходило серьезных боев). Операция японской армии и флота по захвату о-ва Сахалина имела для последних важное значение в общем ходе войны, поскольку она наглядно подтвердила (наряду с Цусимским морским сражением) общий неблагоприятный исход войны для России. Фактически, она была предпринята японцами как дополнительное средство давления на Россию в преддверии мирных переговоров в Портсмуте летом 1905 г. и лишней раз должна была подчеркнуть бессмысленность для последней продолжать военные действия. В случае затягивания войны, Япония вполне могла провести аналогичную десантную операцию и в других районах русского Дальнего Востока или Приморья, с аналогичными результатами. Результаты боев на о-ве Сахалин позволили Японии в дальнейшем удержать за собой его южную часть²⁵.

Оперативно-стратегические итоги боев на Южном Сахалине (да и на всем острове в целом) наглядно показали могущественную роль флота в войне, особенно в условиях наличия протяженной, слабо защищенной береговой черты. Безраздельное господство японского военно-морского флота на море, обеспеченное выигрышем большинства морских сражений с русским флотом, обеспечило противнику успешный исход боев на острове против малочисленных и разрозненных русских отрядов. Ситуация усугублялась отсутствием на острове каких-либо военно-морских сил, могущих серьезно помешать высадке неприятеля. В принципе, на Сахалине не было полноценной береговой обороны. В результате, японцы свободно определяли место и время для высадки своих войск, не опасаясь никакого ответного противодействия с русской стороны. Даже героические действия отдельной морской батареи, как мы видели, не могли ничего дать в плане успешной обороны острова, поскольку приносили лишь местный, локальный успех, да и то на какое-то время.

Были и другие факторы, сильно осложнявшие действия русских частей на острове. Во-первых, вряд ли имело смысл заранее разделять силы обороны Южного Сахалина сразу на 5 отдельных отрядов, действовавших изолированно друг от друга. Это обстоятельство давало возможность противнику бить и уничтожать их по частям. Во-вторых, явно непродуманным было решение о назначении командирами этих отрядов офицеров из состава Манчжурской армии, пусть и имевших боевой опыт, но не знакомых с местным театром военных действий. В-третьих, качественный состав русских войск на Сахалине оставлял желать много лучшего: это были дружинники из числа местного населения или резервисты, плохо обученные и вооруженные. В-четвертых, японские десантные силы значительно превосходили по численности русские воинские силы на острове. Иными словами, японцы обладали и качественным, и количественным превосходством над русскими войсками. В таких условиях исход боев за остров был просто предрешенным.

Примечания

- ¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. В 9 тт. Т. 9. Второстепенные театры военных действий. СПб., 1910. С. 78–134. История русско-японской войны 1904–1905 гг. Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 353–359.
- ² Автор должен сразу заметить, что подобное взаимодействие, естественно, наблюдалось при обороне крепости Порт-Артур в куда больших масштабах, но этот сюжет не входит в рамки нашего исследования.
- ³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 91–93.
- ⁴ Там же. С. 100.
- ⁵ Емелин А. Ю. Крейсер II ранга «Новик» // «Мидель-шпангоут», вып. 3. СПб., 2002. С. 37–40. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 97. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 31.
- ⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 3, 31–32. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 1–2.
- ⁷ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 33. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 3.
- ⁸ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 33–35. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 3–5.
- ⁹ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 36–37. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 6–7.
- ¹⁰ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 35–36.
- ¹¹ Там же. Л. 40–42.
- ¹² Английский пароход «Oldhamia», шедший из Нью-Йорка в Гонконг с грузом керосина, был захвачен эскадрой вице-адмирала З. П. Рожественского возле пролива Батаан. На пароход была высажена призовая команда, и ему было приказано идти во Владивосток. 20 мая «Oldhamia» сел на камни у восточного берега о-ва Уруп. – См.: Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Т. 4. СПб., 1910. С. 71.
- ¹³ Там же. Л. 13–19, 42–43. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 10–12.
- ¹⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 43. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 13.
- ¹⁵ Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Т. 4. С. 209–210. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 102.
- ¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 44–45. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 14–15. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 102–103.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 45–47. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 15–17. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 103.
- ¹⁸ Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Т. 4. С. 210–211.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 58. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 28.
- ²⁰ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 47. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 103.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 47–49. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 103–104.
- ²² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 50–58. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 9. С. 104–105.
- ²³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 57. Ф. 763. Оп. 1. Д. 267. Л. 27.
- ²⁴ Там же. Ф. 763. Оп. 1. Д. 268. Л. 12.
- ²⁵ Южная часть о-ва Сахалин принадлежала Японии на протяжении 40 лет (с 1905 по 1945 гг.), была освобождена советскими войсками в августе 1945 г. и затем присоединена к СССР, согласно договоренностям между СССР, США и Великобританией, достигнутым в ходе Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г.